

БАН ДЫ

Герберт Осбери

НЬЮ-ЙОРКА

Герберт Осбери Банды Нью-Йорка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=607405

Г.Осбреи. Банды Нью-Йорка: Центрполиграф; Москва; 2004

ISBN 5-9524-1239-4

Аннотация

Действие книги происходит в выдавшем виды трехэтажном Нью-Йорке, заполненном бандами «болотных ангелов», головорезами типа «рассветных» или уличных хулиганов, «мертвых кроликов», которые шли в бой, прибивая на концы палок свой тотем. Крысиные бега, игорные притоны, китайские опиумные курильни и их завсегдатаи, но подлинным героем преступного мира этого огромного города был Эдвард Делани – родоначальник организованной преступности, главарь банды в 1200 человек, князь гангстеров, как его называли современники.

Содержание

Предисловие	5
БАНДИТЫ ОДНОЙ АМЕРИКИ	5
Вступление	9
Глава 1	15
1	15
2	21
3	26
4	33
Глава 2	44
1	44
2	48
3	57
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Герберт Осбери Банды Нью-Йорка

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Посвящается Ореллу

Предисловие МОНАХ ИСТМЕН, ТВОРЕЦ БЕЗЗАКОНИЯ

БАНДИТЫ ОДНОЙ АМЕРИКИ

На фоне синих стен или просто синего неба два бандита, затянутые в черные плащи и обутые в сапоги с высокими каблуками, кружатся в мрачном танце, танго двух неразличимых ножей, пока вдруг из-за уха одного из них не начнет капать кровь: это нож вошел в тело человека, он падает и умирает. Так заканчивается этот смертельный танец без музыки. Второй, удалившись от дел, посвящает свою старость рассказам об этой честно выигранной дуэли. Такова история преступного мира Аргентины. История же головорезов и хулиганов Нью-Йорка гораздо более динамична и менее красива.

Район Пять Точек в 1829 году

История банд Нью-Йорка, изложенная Гербертом Осбери в 1928 году в его солидной книге на четырех сотнях страниц, раскрывает всю мерзость варварского мироздания, его огромные размеры, царившие в нем беспорядок и жестокость. Действие в книге происходит в подвалах старых пивоварен, превратившихся в бараки негров и нищих ирландцев, в выдавшем виды трехэтажном Нью-Йорке, заполненном бандами негодяев вроде «болотных ангелов», которые выбираются из канализации на мародерские вылазки; головорезов типа «рассветных», вербующих в свои ряды 10 – 11-летних убийц; лишенных совести громил-одиночек вроде

«уродских цилиндров» или уличных хулиганов вроде «мертвых кроликов», которые шли в бой, прибывая на концы палок свой тотем. Его герои – люди типа денди Джонни Додана, прославившегося своим набриолиненным чубом, носившего трости с ручкой в виде обезьяньей головы и медный коготь на большом пальце, которым он выдавливал врагу глаз, или Кита Бернса, откусывающего голову живым крысам, или Динни Лайонса, на которого работали три проститутки. Там есть ряды домов с красными фонарями, вроде тех, которые содержали семь сестер из Новой Англи, отчислявшие всю прибыль за сочельник на благотворительные цели; собачьи и крысиные бои; китайские игорные притоны и опиумные курильни; женщины вроде Рыжей Норы, в которую влюблялись все вожаки знаменитой банды «гоферов», или Голубки Лиззи, надевшей траур после убийства Дэнни Лайонса, которой перерезала глотку Нежная Мэгги, вспомнив вдруг о давнем романе Лиззи с убитым; бунты вроде того, что произошел в 1863 году, когда за неделю была сожжена сотня домов, и счастье еще, что не сгорел весь город; уличные драки, где упавшего затаптывали насмерть; конокрады и отравители лошадей, такие, как Йоске Ниггер. Величайший же герой этой уникальной книги о преступном мире Нью-Йорка – это Эдвард Делани, он же Джозеф Моррис, он же Уильям Делани, он же Джозеф Марвин, он же Монах Истмен, «князь гангстеров», как его называли современники, главарь банды в 1200 человек.

Хорхе Луис Борхес

Вступление

Эта книга не является социологическим исследованием и не предлагает рецептов решения социальных, экономических и криминологических проблем, создаваемых бандами. В ней нет модного анализа поступков гангстеров в манере «я думаю, он подумал», в ходе которого автор вводит читателя в сокровенные глубины души преступника и следит за работой его скудного мыслительного аппарата. Наоборот, это попытка проследить и отметить наиболее заметные проявления порочной активности людей, которые будоражили Нью-Йорк на протяжении почти целого столетия, достаточно сильно проявляя себя в атмосфере политической коррупции и борьбы за выживание. К счастью, сейчас эти люди исчезли из жизни великого города и уже почти десять лет существуют в основном в богатом воображении журналистов. В той или иной степени повторить их бурную деятельность не смог никто, и лишь журналисты продолжают с надеждой воскрешать их при каждом случае загадочного убийства в трущобном районе или при серебристом свете бродвейских огней. Не важно при этом, очевидна ли связь преступления с запретной торговлей спиртными напитками или наркотиками, его освещают как новое гангстерское убийство; слова и фразы, которые давно устарели и стали неупотребляемыми, вновь извлекаются на свет божий, и уже на следующее утро,

затаив дыхание, народ читает, что взошла кровавая луна и надвигается новая гангстерская война.

Но ничего не случается, и не похоже, что когда-нибудь случится опять, так как сейчас в Нью-Йорке нет банд и нет гангстеров в том смысле этого слова, в котором его обычно употребляют. В свое время гангстеры процветали в условиях защиты и манипуляций со стороны нечестных политиков, которым они нужны были для фальсификации выборов, но сейчас эти времена прошли. Благодаря достижениям в социальной, экономической и образовательной сферах социальная база для нового поколения бандитов все уменьшалась, и организованные банды были уничтожены полицией, которая всегда достигала успеха в репрессивных кампаниях, когда ей политики давали отмашку. Инспектор Александр С. Уильямс нанес первый удар по гангстерам, когда провозгласил и осуществил на практике свое знаменитое заявление – «На конце полицейской дубинки больше закона, чем в решении Верховного суда», и упадок гангстеров продолжался по мере того, как менялись к лучшему политики и возмущенная общественность больше не желала терпеть массовые драки и разборки. Банды были окончательно разгромлены, когда Джон Пуррой Митчелл был избран мэром в 1914 году, а Дуглас Мак-Кей и Артур Вудс завершили начатое, отправив в тюрьму около 300 гангстеров, в том числе многих прославленных героев преступного мира.

Правда, остались небольшие группы, которые время от

времени тщетно прикрываются такими громкими именами, как «гоферы» или «гудзонские чистильщики», но они могут называться гангстерами на тех же правах, на которых вооруженный сброд может называться армией; это просто хулиганы, которые пытаются воспользоваться чьей-то былой славой. За несколько последних лет появились также некоторые объединения молодых преступников, всякие «плаксы», «сладкоежки» и другие банды, каждую из которых в газетных сообщениях называют гангстерской. Но тогда как в старые времена банды могли состоять из тысячи человек, ни одна из новых групп не насчитывала и шести, и ни одна не действовала более чем несколько месяцев, после чего их разогнала полиция, а главари оказывались в тюрьме или на электрическом стуле. Они не имели ничего общего с такими знаменитыми бандами, как «мертвые кролики», «парни Бауэри», «истмены», «гоферы», они были больше похожи на банды профессиональных воров и грабителей банков, которые наводнили крупные города вскоре после Гражданской войны. В преступном мире такие группы даже не считаются бандами; их называют воровскими шайками; члены этих шаек объединяются для серии грабежей или других преступлений и не имеют никаких обязательств и свободны от преданности своим главарям. Это примитивные убийцы и воры, но все их убийства и грабежи не имеют ничего общего с соперничеством между бандами и гангстерским правосудием. Им не хватает эффектности поступков, которая отличала ганг-

стеров в старые времена, и, возможно, не будет хватать, пока они не отойдут в область легенд. Однако они скорее даже более опасны, если сделать скидку на численность, чем те, кто когда-то держал в страхе Бауэри, «Адскую кухню» и бывшие Пять Точек, так как большинство из них – наркоманы, а они очень раздражительны и легко возбудимы.

Гангстер, чья власть закончилась с убийством Кида Дроппера, был в первую очередь продуктом своей среды, бедности и ущербного воспитания; само общество толкнуло его к этой жизни, а коррупция и все сопутствующее этому зло негативно влияло на его взросление. Как правило, он начинал как член подростковой банды, со временем пополняя ряды взрослых гангстеров. Так он достигал зрелости без малейшего представления о добре и зле, с презрением к честному труду, которое доходило фактически до отвращения, и с подлинным восхищением перед людьми, которые могут получить почти все даром. Более того, единственное спасение от нищеты он видит в постоянном возбуждении и не может придумать другого пристанища для своего мятежного духа, кроме секса и драки. И многие молодые люди становились гангстерами только из-за сокрушающего желания превзойти подвиги выдающихся главарей преступного мира либо мечтая о славе или хотя бы известности, достичь которых можно было, став жестоким, безжалостным человеком и отъявленным негодяем.

Основное кредо гангстера, как, впрочем, и любого друго-

го представителя криминального мира, заключается в том, что человеку принадлежит все только до тех пор, пока он может это удержать, и тот, кто это у него отнимет, не сделает ничего дурного, а просто докажет свою сообразительность. По большей части в старые времена гангстеры были смелыми людьми, но их смелость являлась на самом деле лишь тупым, невежественным, недостаточно сознательным отношением к тому, что готовила им судьба. Стоит отметить, что гангстеры неизменно становились первоклассными солдатами, так как их воображения не хватало на то, чтобы хотя бы представить страдания, которые они или их жертвы будут терпеть от пули или удара ножа. Жестокость гангстера и его бесчувственность в полной мере проявились в одном поступке Монаха Истмена, когда этот прославленный убийца был вышибалой в танцевальном зале в начале своей карьеры. Истмен охранял покой заведения с большой дубиной, на которой он нарезал метку каждый раз, когда умирал буйного посетителя. В один из вечеров он подошел к безобидному пожилому человеку, который пил пиво, и сильным ударом расколол тому череп. В ответ на вопрос, почему он напал на человека без всякой причины, Истмен ответил: «Ну, на моей дубинке было 49 насечек, а мне хотелось, чтобы их стало ровно 50».

Разумеется, встречались исключения, поскольку некоторые главари банд вышли из хороших семей и были так же умны, как и хитры, а некоторые из них покидали преступный мир и преуспевали на более уважаемом поприще. Но в ос-

новном гангстеры были тупыми хулиганами, рожденными в разврате и нищете и воспитанными среди порока и коррупции. Их жизнь отразила их предопределение.

Г. О.

Нью-Йорк,

5 января 1928 года

Глава 1

КОЛЫБЕЛЬ БАНД

1

Первые банды, терроризировавшие Нью-Йорк почти сто лет, рождались в мрачных многоквартирных домах, которые незаконно строились в отравленных миазмами окрестностях района, называемого Пять Точек, в бывшем кровавом Шестом административном округе. Этот район приблизительно охватывал территорию, прилегающую к Бродвею, Кэнэл-стрит, Бауэри и Парк-роу. В старом квартале Пять Точек теперь расположены три главных городских органа отправления правосудия – тюрьма Томбс, здание уголовного суда и новое здание местного суда. Но в колониальные времена и в первые годы республики, когда негритянское кладбище на Бродвее и Чемберс-стрит находилось на окраине города, а нынешний театральный район площади Таймс был унылой пустыней, по которой бродили дикие индейцы, это была в основном болотистая земля, окружающая огромное озеро, которое англичане называли Чистоводьем, а голландцы – Шеллпойнт или Калчхук. Позднее озеро стало известно как Коллект и под этим названием появилось на старинных кар-

тах. Оно занимало область, сейчас граничащую с улицами Уайт, Леопард, Лафайет и Малберри, большую часть которой занимают теперь Томбс и здание уголовного суда. Первоначальное здание тюрьмы было возведено в 1838 году, и, хотя она официально называлась Домом правосудия, в народе ее прозвали Томбс – «гробница», так как план здания был срисован с египетской гробницы, рисунок и описание которой содержались в книге «Путешествия Стивенса» Джона Л. Стивенса.

В центре Коллекта располагался маленький остров, который часто использовался как место для казней или других судебных наказаний. Именно там было повешено, сожжено на костре или переломано на колесе множество негров после заговора рабов в 1741 году, когда черные поднялись против своих законных хозяев и попытались сжечь и ограбить город¹.

Позднее остров стал местом хранения пороха и получил название Мэгэзин-Айленд.

Главный отток из озера находился в северной части, около того места, где сейчас пересекаются Уайт-стрит и Централь-

---

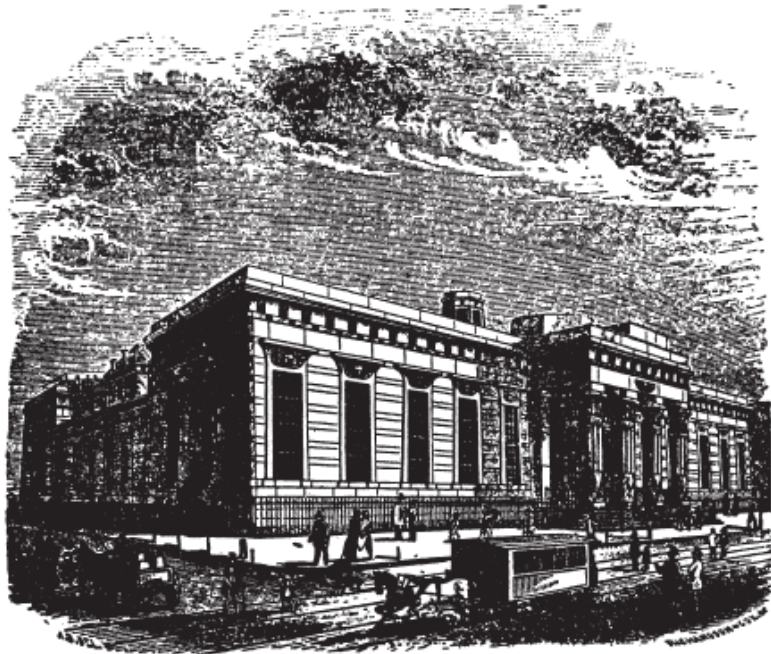
¹ Подробный отчет об этом мятеже, похожих восстаниях 1712 года и «докторском бунте» 1788-го можно найти в книге Хэдли «Очерки о великих восстаниях». «Докторский бунт» вырос из разграбления могил студентами-медиками. Большинство медиков были высланы из города, на несколько дней была вооружена милиция, а барон Стеубен и Джон Джар были ранены при попытке разогнать толпу. Это произошло еще до появления банд, и преступный мир не был связан с этими мятежами. (Примеч. авт.)

ная, затем уходил на северо-запад, следуя вдоль современной линии Кэнэл-стрит к реке Гудзон. Много лет назад, когда еще стояли частоколы, построенные вдоль южного конца Манхэттена для защиты от индейцев, над рекой был возведен небольшой каменный мост, соединяющий Бродвей и Кэнэл-стрит.

Этот мост построили для смелых экспедиций в дикие земли Гарлема и верхнего конца острова. В 1796 году Джон Фитч плывал по озеру Коллект на одном из первых экспериментальных пароходов, за 11 лет до того, как Клермон славно пронесся по водам Гудзона. Судно Фитча было обыкновенным ялом, длиной в 18 футов и шириной в 7 футов, на котором имелся простейший паровой двигатель. Его пассажирами были Роберт Фултон, канцлер Роберт Р. Ливингстон и 16-летний Джон Хатчингс, который стоял на корме и направлял судно при помощи весла.

В водах Коллекта в изобилии водилась рыба, и поскольку индейцы были выдворены отсюда и переселены севернее, на материк, то озеро настолько полюбили рыбаки, что появилась необходимость принятия мер по его охране, и в 1732 году вышел закон о запрещении использования сетей. В том же году некий Энтони Ратгер получил в дар 75 акров (30 га) болотистой земли по обе стороны от места вытекания реки, обязавшись осушить землю всего за год. Он провел канал от озера до реки Гудзон, но сделал его таким глубоким, что воды в Коллекте стало заметно меньше, и рыбаки жаловались,

что рыба вымирает. Будучи вынужден компенсировать отступление воды на 30 футов² от края пруда, Ратгер отказался от своего плана, и почти 75 лет серьезных попыток осушения этих земель не предпринималось. В 1791 году город купил земли Ратгера у его наследников, заплатив примерно 700 долларов за имущество, которое сейчас стоит по меньшей мере столько же миллионов.

---

² 9 метров. (Примеч. пер.)

Но усилия Ратгера привели все же к осушению значительного участка земли, и нижний конец острова становился все более и более населенным, множество семей среднего и бедного класса начали строить свои дома вдоль берегов озера и болота. В 1794 году эти колонии так разрослись, что городские власти учредили комитет по строительству улиц в окрестностях Коллекта и в 1796 году предприняли неудачную попытку убедить владельцев недвижимости объединиться и осушить озеро, прорыв канал в 40 футов (12 метров). В 1802 году Якоб Браун, в ту пору занимавший должность специального уполномоченного по улицам, официально рекомендовал осушить и засыпать Коллект, указывая на засоренность его огромным количеством мусора и опасность, которую это представляло для здоровья. Но его предложение не было одобрено, и в течение шести лет ничего не предпринималось.

Зимой 1807/08 года деловая активность в Нью-Йорке почти прекратилась из-за ужасно суровой погоды и неблагоприятной ситуации в международной политике. Уволенная с работы беднота находилась на грани голода. В январе 1808 года толпа под предводительством моряков, чей корабль простаивал в порту, устроила демонстрацию в парке перед мэрией и прошествовала по улицам, выставив плакаты с требованиями хлеба и работы. Обеспокоенные беспоряд-

ками, городские власти составили проект уничтожения Коллекта и осушения болотистых земель, и, таким образом, начались первые в истории Нью-Йорка работы по благоустройству. Большие бригады рабочих сровняли с землей холмы на западе и востоке Бродвея, и в озеро была насыпана земля. Вода же вытекала по каналам, ведущим к рекам Гудзон и Ист-Ривер. Через несколько лет, когда земля как следует осела, улицы, которые тянулись вдоль болота, вышли и на место бывшего озера, и вся территория была открыта для поселения. Первая улица, которая была проложена по бывшему Коллекту, получила название Коллект-стрит. Она тянулась посреди строящегося района по прямой линии с севера на юг. Через несколько лет она была переименована в Райндерс-стрит, в честь капитана Исайи Райндерса, государственного чиновника Шестого административного округа и одновременно патрона и покровителя банд Пяти Точек. Почти 50 лет эта улица состояла из публичных домов и салунов и была одной из самых неблагополучных в городе. Она была переименована в Центральную улицу, когда были закрыты кабаки и началась реконструкция Пяти Точек. В последнее время ее стали называть просто Центром.

Изначально район Пяти Точек был создан улицами Кросс, Энтони, Литл-Уотер, Оранж и Малберри, которые выходили на небольшую, примерно в один акр, площадь. В середине этой площади был разбит маленький парк, получивший название Парадиз-сквер, впоследствии обнесенный забором. На этом заборе окрестные жители стали сушить белье, и выглядел он совершенно безобразно под повешенной для просушки одеждой, которую охраняли мальчишки, вооруженные обломками кирпичей и палками. Шли годы, и, по мере того как город развивался, очертания многих улиц Пяти Точек изменялись, и внешние характеристики всего района претерпели столь же очевидные изменения, как и нравы и привычки его обитателей. Улица Энтони протянулась до Чэтэм-сквер и теперь стала Уорф-стрит, Оранж стала называться Бакстер, а Кросс заново расцвела под названием Парк-стрит. Улица Литл-Уотер исчезла совсем, а Парадиз-сквер стал юго-восточным углом парка Малберри, который с 1911 года стал называться Колумбус-парк. Квартал, ныне известный как Пять Точек, – это пересечение улиц Бакстер, Уорф и Парк.

Парадиз-сквер был почти единственной частью города, где приветствовались бедняки, и, пока аристократы и преуспевающие купцы прогуливались по Бродвею и парку при

городском управлении и развлекались в садах Вишневого холма, простые люди стекались в Точки, чтобы глотнуть свежего воздуха и развлечься по-своему. Поэтому сквер и его окрестности можно назвать Кони-Айлендом того времени, прибежищем для моряков, ловцов устриц, рабочих и мелких служащих. Аристократами Точек были мясники, так как эти «господа» были большими щеголями в городе; они любили выпить, шикарно жили и требовали кровавых развлечений. Одним из популярных представлений была травля быка собаками, когда живого быка приковывали к подвижному кольцу и натравливали на него собак. Главной сценой для этого зрелища был холм Банкера, находившийся приблизительно в 30 метрах от современной линии Гранд-стрит, около Малберри, где американцы построили здание форта во время революции и храбро его защищали от английских войск под командованием генерала Хоуэ. После войны холм стал популярным местом дуэлей и массовых митингов; в более поздние времена банды Пяти Точек и Бауэри устраивали там побоища. В начале XIX века мясник по имени Уиншип поставил ограду внутри старого укрепления и соорудил арену, вмещающую 2 тысячи человек. Там быков травили перед толпами мясников и их гостей, которые держали пари на то, скольких собак забодает бык. На южной окраине холма находился склеп известной по колониальным временам семьи Баярд, и, когда холм разровняли, оттуда достали тела и кости. Один отшельник из Точек завладел склепом и жил

там много лет, пугая детей этого района. В конце концов его убили.

Главным развлечением в первые годы Пяти Точек были танцы, и многочисленные танцевальные площадки скоро появились на улицах, окружающих Парадиз-сквер. Эти площадки были предшественниками современных ночных клубов и кабаре, хотя были и не столь роскошны, как теперешние дворцы джаза. Занавеси из красной бумагеи украшали окна, полы посыпались песком, чтобы было удобно ходить в тяжелых ботинках, вдоль стен стояли длинные скамьи. С потолка свисали лампы – обручи-канделябры со свечами, китовым жиром или салом, которые были тогда единственными устройствами искусственного освещения. Танцы были бесплатными, поскольку посетитель время от времени заказывал стаканчик эля, портера или пива в баре, в углу зала. Танцевальные дома, как правило, работали до трех часов утра, но, по крайней мере в течение нескольких первых лет, в таких домах соблюдался порядок. Возбужденные искатели удовольствий иногда завязывали кулачные бои, и бывало, что по воздуху пролетал обломок кирпича и проламывал череп, но, если кто-нибудь доставал нож или пистолет, его хватали всей толпой и окунали в сточную канаву – все, что осталось от потока, который когда-то вытекал из озера Коллект. Крепкого спиртного выпивалось немного, зато в больших количествах весельчаки потребляли содовые напитки.

Теперешние торговцы хот-догами, арахисом и попкорном

имели своих прототипов в Пяти Точках в лице детей и старых негритянок, торговавших мятой, земляникой, редиской, жареным бататом, и девушек – торговок горячей кукурузой, предлагавших обжигающие початки кукурузы из кедровых коробов, висевших у них под мышками. Одетая в цветастый ситец и завернутая в шаль, но при этом босая, торговка горячей кукурузой появлялась на улицах в сумерки и всю ночь ходила в толпе на гуляньях и в дансингах, предлагая свой товар:

Горячая кукуруза! Горячая кукуруза!
Для вас белоснежная кукуруза!
Все, у кого есть монеты, —
А у меня, бедняжки, их нет, —
Подходите и покупайте белоснежную кукурузу,
Чтоб я смогла уйти домой...

Торговка горячей кукурузой стала одной из самых романтических фигур Пяти Точек. Молодые люди страстно добились расположения девушек, дрались из-за них, прославляли их красоту и блестящий ум в песнях и рассказах. Заработки торговок были значительными, и скоро у героев Пяти Точек, презирающих труд, стало принято посылать свою молодую хорошенькую жену на улицу каждую ночь с кедровым коробом, наполненным горячей кукурузой, а самому – ходить за ней по пятам и бросать булыжники в молодых людей, которые смели флиртовать с ней. Первое повешение в

Томбсе произошло после именно такого случая. Эдвард Солеман, один из гангстеров Парадиз-сквер, влюбился в молодую женщину, известную в Пяти Точках как Красотка с горячей кукурузой. Он женился на ней после жестокой схватки с дюжиной поклонников и в конце концов убил ее, когда ее заработок не оправдал его надежд. Казнили Солемана в Томбсе 12 января 1839 года, вскоре после того, как поймали.

3

В течение первых 10 или 15 лет Пять Точек были весьма приличным и относительно мирным местом. Все это время один сторож с кожаным шлемом на голове, из-за которого нью-йоркских полицейских раньше звали кожаноголовыми, мог в одиночку охранять порядок; но так продолжалось недолго, пока власти не перестали справляться с буйными жителями Парадиз-сквер и успешно изгонять бандитов и других преступников из их нор и притонов. Характер района стал меняться к худшему около 1820 года. Многоквартирные дома начали разрушаться и тонуть на недостаточно осушенной, топкой земле, малярийные испарения, туман, поднимающийся с болотистой земли, привели к тому, что место стало опасным для здоровья. Богатые семьи переезжали из этих чудовищных домов в другие части Манхэттена, и на их месте поселялись в основном освобожденные рабы-негры и бедные ирландцы, которые наполнили Нью-Йорк большой волной иммиграции, последовавшей после революции и провозглашения республики. Они беспорядочно заселяли трущобы Пяти Точек, и к 1840 году этот район стал самым злачным местом в Америке.

В то время Шестой округ занимал примерно 86 акров (34,4 гектара), но большая часть земли была занята торговыми домами, и почти все население сосредоточилось в обла-

сти Парадиз-сквер и района, в будущем известного как Мал-берри-Бенд, к северу и чуть к востоку от Пяти Точек. Тысячи людей влачили жалкое существование в подвалах и на чердаках, основная часть населения была абсолютно нищей и почти полностью погрязла в пороке. Подавляющее большинство составляли ирландцы (перепись, проводимая промышленной палатой Пяти Точек во время Гражданской войны, зафиксировала 3345 ирландских семей), а следующими по численности были итальянцы – 416 семей. Там было только 167 семей чисто американского происхождения и 73 – недавно приехавших из Англии. Более 3 тысяч семей заплотнили Бакстер-стрит от Чэтэм до Кэнэл, что составляет расстояние меньше полумили, и на участке 25 на 100 футов (7 на 30 метров), на этой же улице, находились трущобы, в которых ютилось 286 человек. Вокруг Точек и Парадиз-сквер располагалось 270 салунов и еще некоторое количество баров, танцполов, публичных домов и зеленых лавок, где продавалось кое-что покрепче, чем овощи.

«Идемте дальше, и погрузимся в Пять Точек, – писал Чарльз Диккенс в своих «Заметках об Америке». – Ну и местечко! Узкие проходы расходятся направо и налево, и везде запах грязи и отбросов. Образ жизни, который здесь ведется, приносит те же результаты, что и везде. Грубые, обрюзгшие лица, которые мы видим в этих домах, таковы же, каковы и по всему миру. Сами дома преждевременно постарели от дебоширства. Посмотрите, как обрушиваются про-

гнившие балки и как разбитые и запачканные окна хмуро смотрят тусклыми глазами, словно подбитыми в пьяной драке. Здесь живет множество свиней. Интересно, удивляются ли они тому, что их хозяева ходят на двух ногах, а не на четырех и что они не хрюкают, а разговаривают?

Итак, около каждого дома есть маленькая таверна, и на стенах бара висят цветные гравюры с изображением Вашингтона, королевы Виктории и американского орла. В отделениях для бутылок – осколки тарелок и цветная бумага, это местный стиль украшения. И так как моряки здесь частые посетители, висит тут и около дюжины морских картин: изображение расставания моряков с их возлюбленными; портрет Уильяма из баллады с его черноглазой Сюзен; Уилла Уотча, смелого контрабандиста; Пола Джонса, пирата, и тому подобных. Среди них нарисованные глаза королевы Виктории, а также Вашингтона выглядят так же странно, как и в большинстве сцен, которые разыгрываются здесь в их присутствии.

Кабак в Пяти Точках

Откройте дверь одной из этих тесных хибар, полных спящих негров. Ба! Внутри горит огонь, пахнет горячей одеждой или мясом, так близко они собрались вокруг жаровни, и везде угарный туман, который ослепляет и душит. Из каждого угла, в который вы заглянете на этих темных улицах, ползет в полусне какая-то фигура, и кажется, что наступит время Страшного суда и темные могилы исторгают своих мертвецов. Тогда собаки воют и принуждают мужчин, женщин и детей покидать ночлег, заставляя испуганных крыс убежать в поисках лучших мест. Здесь также есть дорожки и аллеи, вымощенные грязью по колено; подземные комнаты служат здесь для танцев и игр; стены здесь украшены грубыми рисунками кораблей, фортов, флагов и бесчисленными американскими орлами; разрушенные дома, открытые настежь, где через огромные дыры в стенах вырисовываются очертания других развалин, как будто этому миру порока и нищеты больше нечего показать; огромные многоквартирные дома, которые названы по именам грабителей и убийц; все это отвратительно, уныло, и везде разруха».

Самой печально известной улицей Нью-Йорка в то время была Литл-Уотер, очень короткая улица, которая идет от Кросс-стрит через центр Парадиз-сквер к Коровьей бухте. Последняя была названа так потому, что на этом участке некогда был залив, к которому фермеры приводили свой

скот на водопой. В лучшие для Пяти Точек времена район Коровьей бухты представлял собой тупик шириной около 30 футов (9 метров) в начале, который дальше, футов через 100, сужался к одной точке. Этот темный и мрачный переулок был в основном заполнен грязью по щиколотку, и вдоль каждой стороны его тянулись дощатые многоквартирные дома, от одного до пяти этажей в высоту. Многие из них были соединены подземными переходами, в которых совершались грабежи и убийства и хоронились трупы. Один из домов был назван «домом лестницы Якоба», так как вход в него шел через шаткий, опасный лестничный пролет. Другой дом имел название «Врата ада», третий – «дом обломков кирпича».

«Если вы хотите осмотреть Коровью бухту, – говорилось в книге под названием «Горячая кукуруза», изданной в 1854 году, – то пропитайте свой носовой платок камфорой, чтобы вы смогли вытерпеть чудовищное зловоние, и входите. Нащупайте свой путь вдоль узкого прохода, поверните направо, поднимитесь вверх по опасной и темной лестнице; будьте осторожны, когда ставите ногу на следующую ступеньку или когда ступаете в угол широкой лестницы, так как слой смрадных отбросов там толще, чем подошва ботинок. Будьте также осторожны, чтобы не встретить кого-то, мужчину или женщину, кто в пьяном бешенстве может ударить вас из-за ненависти к тому, что у вас одежда лучше, или из-за страха того, что вы пришли, чтобы нанести вред его любимому логовищу, так, что вы полетите вниз, кувырком, по этой гряз-

ной лестнице. Вверх, вверх, по спирали, на пять этажей выше – и вот вы под черной, закопченной крышей. Поверните налево (будьте осторожны и не опрокиньте тот горшок с кипящим супом из мясных обрезков, который готовится на маленькой печке наверху лестницы), откройте ту дверь и входите, если получится. Смотрите: вот на полу сидят негр и его жена – где им еще сидеть, если нет стула, – и поедают свой ужин со дна бадьи. В разбитом черном глиняном кувшине – вода, возможно, не только вода. Другой негр и его жена занимают угол; третий сидит на окне, перекрывая весь поступающий воздух. А что мы видим в следующем углу? Мужчину-негра и крепкую, здоровую, довольно хорошенькую молодую белую женщину. Они не спят вместе? Ну, в буквальном смысле вряд ли – в комнате нет кровати, как нет ни стула, ни стола, как нет ничего, кроме тряпок, грязи, паразитов и деградировавших, невероятно деградировавших представителей человечества».

4

Старая пивоварня была сердцем Пяти Точек и самым известным многоквартирным зданием в истории города. Будучи построенной в 1792 году на берегах старого Коллекта, она называлась пивоварней Колтерса, и пиво, которое там варили, было самым известным во всех восточных штатах. В 1837 году она была «перепрофилирована» в жилой дом, так как здание дошло до такого состояния, что уже не могло использоваться по назначению и после этого стало известно просто как Старая пивоварня. Дом имел пять этажей³ и когда-то был выкрашен в желтый цвет, но от времени и непогоды почти вся краска скоро облупилась, множество досок отошло, так что здание больше всего напоминало гигантскую жабу с отвратительными наростами, с удовольствием сидящую в отбросах и грязи Пяти Точек.

Здание огибала улица, около трех футов в ширину с южной стороны, а на северной – разной ширины, постепенно сужающаяся к одной точке. Северная дорожка вела к огромному помещению, получившему название «Пещера воров», в котором жили более 75 мужчин, женщин и детей, черных и белых, без мебели и удобств. Многие из этих женщин были проститутками и принимали своих клиентов прямо в Пеще-

---

³ На рисунках того времени изображаются только три этажа, но писатели уверяют, что их было пять.

ре. На противоположной стороне проход назывался «Аллеей убийц», полностью соответствуя своему названию. Многие историки путали ее с другой «Аллеей убийц», известной также как «Дорога Донована», на Бакстер-стрит, недалеко от Точек, где много лет прожил известный одноглазый вор-карманник и мошенник Джордж Аппо, сын китайца и ирландки.

Подвалы Старой пивоварни были разделены примерно на 12 комнат, где раньше стояло пивоваренное оборудование; также там были надземные комнаты, расположенные двойными рядами вдоль «Аллеи убийц» и улицы, ведущей к «Пещере воров». В период пика своей славы здание вмещало более тысячи мужчин, женщин и детей, половина из которых были ирландцы, а половина – негры. Большинство подвальных отсеков принадлежало неграм, многие из которых жили с белыми женами. В этих логовищах рождались дети, которые проживали свое отрочество, не видя света и не вдыхая свежего воздуха, так для жителя Старой пивоварни было так же опасно покидать свое убежище, как постороннему в него входить. В одной из подвальных комнат шириной в 15 футов (4,5 метра) менее чем за десять лет до Гражданской войны 26 человек жили в ужасающей бедности и грязи. Однажды в комнате было совершено убийство (маленькую девочку забили до смерти после того, как по глупости она показала пенни, которое у кого-то выпросила), так ее тело лежало в углу пять дней, прежде чем было похоронено в неглубокой могиле, вырытой в полу ее матерью. В 1850 году полицейские до-

кладывали, что на протяжении недели с лишним ни один из 26 человек не выходил из комнаты, только иногда они прятались в дверном проходе, поджидая тех жителей, которые проходили с едой. Когда такой человек появлялся, его быстро ударяли по голове и крали еду.

Старая пивоварня

Во всем здании условия жизни в подавляющем большинстве ужасали. Смешанные браки между белыми и неграми были общепринятым фактом, да и инцест никого не шокировал, вообще велась беспорядочная сексуальная жизнь. Дом

кишел ворами, убийцами, карманниками, грабителями, проститутками и вырожденками разного типа.

Драки здесь были почти постоянным явлением, и вряд ли нашелся хотя бы час в дневное или ночное время, когда бы не происходили пьяные оргии. Через тонкие дощатые стены слышались удары кирпичом или железной арматурой, визг несчастных жертв, вой голодающих младенцев, неистовые крики мужчин и женщин, а иногда и детей, корчащихся от боли и судорог. Убийства случались часто; было подсчитано, что почти за 15 лет в Старой пивоварне происходило в среднем по одному убийству за ночь и почти столько же в домах Коровьей бухты. Мало кто из убийц бывал наказан – пока полиция не набрала силы, ее представители не могли надеяться на то, чтобы уйти из Старой пивоварни живыми, а жители трущоб были очень скрытными. Даже если полиция определяла личность убийцы, его редко удавалось найти: он растворялся в норах Точек и убегал по подземным переходам. Многие обитатели притонов Старой пивоварни и Коровьей бухты когда-то были добропорядочными и даже влиятельными людьми, но после нескольких лет трущобного существования и они опускались до уровня остальных жителей. Говорили, что последний из рода Бленнерхассетс, второй сын Хармана Бленнерхассетса, который совместно с Аароном Бурром участвовал в тайном заговоре с целью основания Западной империи, умер в Старой пивоварне. И такое случилось не с ним одним.

Церкви и благотворительные общества открыто говорили о бедственном существовании Пяти Точек в течение многих лет, но ничего не было предпринято для спасения и восстановления района до конца 1830 года, когда община пресвитериан с улиц Центральной и Спринг послала туда миссионеров. Но население Точек состояло преимущественно из ирландцев и яростных католиков. На миссионеров набросились, как на протестантских дьяволов, и гангстеры и преступники их прогнали. В 1840 году на Бродвее была возведена Бродвейская молельня, церковь при конгрессе, около Энтони, нынешней Уорф-стрит, и предпринимались спорадические попытки благотворительной деятельности в Пяти Точках. Но ничего особенного не происходило до 1850 года, когда преподобный Льюис Моррис Пиас и его жена были посланы в Пять Точек от Женского местного благотворительного общества Методистской епископальной церкви. Они построили дом на Кросс-стрит, около Старой пивоварни, и начали свою деятельность.

Пиас был одним из величайших филантропов своего времени. Ни один человек не сделал столько, сколько он, и именно ему Пять Точек обязаны конечным восстановлением и очищением своих пещер от порока и нищеты. Но ему не дали долго работать, и через год он был отозван дамами из благотворительного общества, которые таким образом стремились преуменьшить его заслуги. В 1845 году они написали историю миссии методистов в Точках, опубликовав ее в кни-

ге «Старая пивоварня». Имя Пиаса в этой книге не упоминалось; он был назван просто «нашим первым миссионером». Согласно первоначальной идее он должен был только читать проповеди для привлечения новообращенных и возвращения бывших христиан в церковь, и несколько месяцев Пиас и его жена подчинялись воле общества. Но скоро он понял, что главной проблемой Пяти Точек были нищета и невежество и что порок и преступность нельзя уничтожить, пока не уничтожены их причины. Чтобы это произошло, Пиас открыл совместные школы для детей и взрослых, а также основал мастерские, в которые фабрики по производству одежды посылали материалы, чтобы делать из них дешевую одежду под присмотром миссионера и его жены.

Умирающая мать – сцена в Старой пивоварне

Связь миссионера с обществом прекратилась, когда дамы,

посетившие Точки с целью посмотреть на тех, кому их щедрость обеспечила царство Божие в будущем, выяснили, что Пиас не читал проповедь уже два дня. Он был занят, доставляя большие партии тканей из фабричных домов на Бродвее в местные мастерские. Его заменил преподобный Дж. Лакери, талантливый евангелист. Пиас и его жена отказались уезжать из Точек и занялись деятельностью вне секты, продолжив свои попытки привить в районе просвещение и труд. Результатом его миссии стало создание Промышленного Дома, который и сейчас остается одним из лучших воспитательных и образовательных учреждений этого района. Его первое здание было построено в 1856 году на Энтони-стрит, а в 1864 году был выкуплен старый многоквартирный дом в Коровьей бухте под снос, чтобы освободить место для большего и улучшенного Дома.

Сцена в Старой пивоварне

Комитет, состоящий из Дэниела Дрю и других, договорился о покупке Старой пивоварни от имени Миссионерского общества и в 1852 году купил его за 16 тысяч долларов, из которых городские власти дали только тысячу. Обитатели, как люди, так и грызуны, были выселены, и 2 декабря 1852 года начался снос старого здания. 27 января 1853 года епископ Джонс из Методистской епископальной церкви заложил новую миссию, строящуюся на месте Старой пивоварни, стоимостью в 36 тысяч долларов. Работники, которые разбирали здание, обнаружили несколько мешков, наполненных человеческими костями. Их нашли между стенами и в подвалах, и каждую ночь гангстеры наводняли развалины в поисках сокровищ, которые, по слухам, были там похоронены. Ничего не нашли, но все рыли ямы, простукивали, спускаясь в потайные лазы и стенные проемы. Разрушение Старой пивоварни происходило в атмосфере радости, и преподобный Т.Ф.Р. Мерсейн в порыве вдохновения написал стихотворение в честь происходящего.

Все, видит Бог, теперь закончится
Твой злой закон.
Стен каждый камень кровью сочится,
И слышен стон.
Здесь воздух ядом был напоен,
И без конца
Здесь, истекая смрадным гноем,
Гибли сердца.

Как этот мир жесток, печален —

Они бегут!

О Боже! Призови усталых!

Дай им приют!

Притон порочный! Ты изменишь

И дух и плоть.

Возлюбишь искренне, поверишь,

Спаси Господь!

Любовь Господняя, как ангел,

Летит на глас,

Твердящий строки из Евангелия:

«Христос распят за нас!»

Как этот мир жесток, печален —

Они бегут!

О Боже! Призови усталых!

Дай им приют!

Глава 2

ПЕРВЫЕ БАНДЫ БАУЭРИ И ПЯТИ ТОЧЕК

1

Первые банды Пяти Точек зарождались в многоквартирных домах, салунах, танцполах окрестностей Парадиз-сквер. Но их настоящее преобразование в союзы и последующее превращение района в средоточие порока и преступности последовали вскоре за открытием дешевых баров – зеленых лавок, где велась запрещенная торговля спиртными напитками, которые быстро заполонили сквер и выходящие на него улицы. Первый из таких баров открыла около 1852 года Розанна Пирс на улице Центральной, к югу от Энтони, нынешней Уорф-стрит. На прилавках перед магазином лежали кучи прогнивших овощей, но была у Розанны и задняя комната, в которой она торговала крепкими спиртными напитками по ценам ниже, чем можно было найти в известных салунах. Эта комната скоро стала обителью головорезов, карманников, убийц и воров.

Известно, что банда, получившая название «сорок воров», про которую можно сказать, что это была первая банда

Нью-Йорка с определенным, известным руководством, формировалась в зеленой лавке Розанны Пирс, задняя комната которой использовалась ими для собраний и служила штабом Эдварду Солеману и другим известным главарям. Здесь они получали донесения от своих прислужников, и из этих тускло освещенных углов гангстеры отправлялись на свои военные вылазки. «Керрионцы», в основном выходцы из ирландского графства Керри, тоже родились в стенах лавочки Розанны. Это была небольшая банда, которая шляется по Центральной улице и устраивала изредка драки; ее члены посвящали себя в основном культивированию ненависти к англичанам.

Встреча между «щеголем» и «парнем Бауэри». Пять Точек в 1827 году

«Чичестеры», «гвардия Роача», «уродские цилиндры», «рубашки навыпуск» и «мертвые кролики» – эти банды создавались и устраивали свои сходки в других зеленых лавках. Со временем эти магазинчики стали считаться худшими притонами Пяти Точек, средоточием бесчестья и преступности. «Рубашки навыпуск» были названы так потому, что носили рубашки по китайской моде, а выразительное название «уродских цилиндров» произошло от огромных цилиндров, которые они набивали шерстью и кожей и натягивали на уши подобно шлемам, когда шли драться. В банде «уродских цилиндров» состояли в основном молодые крепкие ирландцы, принимали они в свои ряды только самых крутых ребят в Пяти Точках. Даже наиболее жестокие хулиганы Парадиз-сквер и мастера по избиению испытывали страх, когда гигант из «уродских цилиндров» прогуливался в поисках приключений с огромной дубинкой в одной руке и обломком кирпича в другой, пистолет торчал у него из кармана, а шляпа была натянута на уши и не закрывала только жестокие глаза. Это был мастер суровой и бескомпромиссной драки, обутый в тяжелые ботинки, подбитые огромными сапожными гвоздями, которыми он топтал свою беспомощную жертву.

«Мертвые кролики» были первоначально частью «гвардии Роача», названной так в честь известного продавца

спиртных напитков в Пяти Точках. Но в банде росли внутренние разногласия, и на одной из бурных встреч кто-то бросил в середину комнаты мертвого кролика. Одна из ссорящихся сторон восприняла это как предзнаменование и создала независимую банду, назвав себя «мертвыми кроликами»⁴.

Некоторое время их также называли «черные птицы». И они достигли большой известности как воры и душегубы. Представители «гвардии Роача» отличались синей полоской на брюках, «кролики» же выбрали красную полосу, на конце своих палок прикрепив мертвого кролика, наколотого на шип. «Кролики» и «гвардия» находились в неумирающей вражде и постоянно дрались друг с другом, но в схватках с бандами из прибрежных районов и Бауэри они объединялись против общего врага, так же как и «уродские цилиндры», «рубашки навывпуск» и «чичестеры». Все гангстеры Пяти Точек дрались в майках.

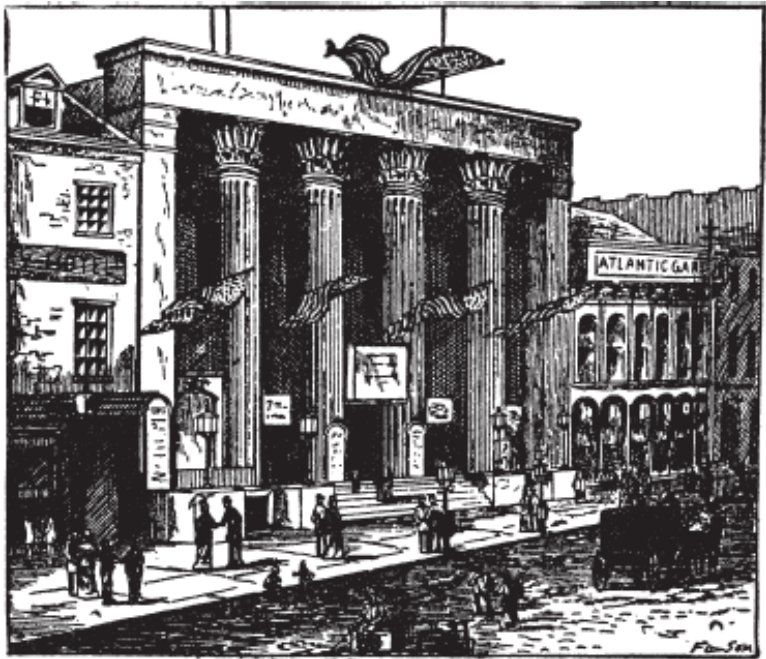
⁴ На сленге того времени слово «кролик» означало «хулиган», а «мертвый кролик» – «большой хулиган», «крепкий парень».

2

По мере того как район наводняли зеленные лавки, он постепенно деградировал как центр развлечений. Банды стали злоупотреблять своими привилегиями хозяев Парадиз-сквер, и центр отдыха начал все более и более смещаться в Бауэри. Еще в 1752 году, когда воды Коллекта покрывали территорию Томбс и медленно текли по Кэнэл-стрит, Бауэри уже претендовал на то, чтобы стать местом увеселительных прогулок, там открылся ботанический сад Сперри (впоследствии – сады Уоксхолл), на верхнем конце проезда около Астор-Плейс. Эти претензии стали еще значительнее в 1826 году, когда на месте старой таверны «Бычья голова», где в 1783 году останавливался сам Джордж Вашингтон, чтобы утолить жажду элем в день эвакуации, был открыт Театр Бауэри. Новое театральное здание открылось комедией «Дорога к гибели», но первое важное представление было дано в ноябре 1826 года, когда Эдвин Форрест сыграл главную роль в шекспировском «Отелло». Много лет это был один из важнейших театров на континенте; его доски скрипели под поступью многих величайших актеров того времени. Тогда это было крупнейшее театральное здание в городе, вмещавшее 3 тысячи зрителей. В этом театре впервые было использовано газовое освещение. Здание трижды горело между 1826-м и 1838 годами и загорелось вновь лет за 15 до Гражданской

войны. Полицейские, недавно одетые по приказу мэра Харпера в форму, появились на сцене во всем блеске своих новых костюмов со сверкающими медными пуговицами. Они велели зрителям освободить дорогу для пожарных, но бауэрские гангстеры, осмеяв их «лакейскую» форму, отказались выполнять распоряжение.

Когда кто-то закричал, что полицейские так одеты по примеру английских «бобби», головорезы рассвирепели, и много народу пострадало, прежде чем их удалось утихомирить. Из-за подобных инцидентов, связанных с полицейской формой, росла неприязнь к ней, и несколько лет стражи порядка появлялись на улицах, не имея иных отличительных признаков, кроме медных значков в форме звезды, от которых и произошло их прозвище «копы» («медники»). Выдержав много бурь, театр и до сих пор еще стоит в тени наземной железной дороги на Третьей авеню. В нем идут кинофильмы, находится итальянский магазин и время от времени выступают заезжие китайские труппы.

Старый Театр Бауэри

Вслед за Бауэри было построено еще несколько театров, среди них Виндзорский, который стал знаменит после постановки «Руки, простерты через море» и замечательной игры Джонни Томпсона в спектакле «На ладони». Много лет эти театры ставили первоклассные спектакли, и их часто посещали местные аристократы. Но со временем, когда характер улицы изменился, а ее притоны и гангстеры стали прит-

чей во языцех по всему свету, в театрах начали показывать кровавые и шумные триллеры столь особого стиля, что скоро получили известность как «спектакли Бауэри», и ставились они только там. Среди них были «Парень-детектив», «Отмеченный для жизни», «Голова в голову» и другие в том же духе. Из этих произведений родилась мелодрама «Десять, двадцать, тридцать», которая была популярна в Соединенных Штатах вплоть до появления кинематографа. После того как первые граждане переместились из бельэтажа и первых рядов балконов театров Бауэри в театры, расположенные в верхней части города и вдоль Бродвея, в основном эти места заполнялись порядочными семьями немцев из Седьмого округа, которые пили розовый и желтый лимонад и шумно поедали старомодные мятные бизе. Но партер и галерка чаще кишели оборванцами разных степеней обоих полов. Они топали ногами и, когда занавес не мог подняться в положенное время, свистели и кричали: «Долой грязную тряпку!» «В воскресенье вечером эти места забиты до удушья, – писал некий автор, посетивший Бауэри во времена Гражданской войны. – Актрисы, которые слишком бездарны и распущенны, чтобы играть где-то еще, появляются на подмостках Бауэри. Грубые фарсы, непристойные комедии, персонажи – убийцы и разбойники с большой дороги – все это вонючей толпой, которая ходит в такие низкопробные театры, принимается на ура. Продавцы газет, подметальщики улиц, старьевщики, девушки-попрошайки, собиратели золы,

все, кто может выпросить или украсть шестипенсовик, заполняют галерки этих низкопробных увеселительных заведений. Ни танцплощадки, ни бары со спиртными напитками, ни отвратительные распивочные не олицетворяют картину разврата и деградации Нью-Йорка в такой мере, как галерка Театра Бауэри».

Подметальщица улиц

Через несколько лет после возведения первого театра район Бауэри заполнился театральными зданиями, концертными залами, салунами, подвальными кабаками и большими пивными, рассчитанными на тысячу – полторы посетителей, которые сидели за длинными столами, расставленными по всему огромному залу. Уже в 1898 году в Бауэри насчитывалось 99 увеселительных заведений, только 14 из которых полиция признала приличными, кроме того, в каждом квартале было по 6 баров. Сейчас на этой улице вряд ли найдется дюжина театров, и те специализируются на пародиях, кинокартинах, а также еврейских, итальянских и китайских пьесах. Некоторые пивные, которых в Бауэри было множество до и после Гражданской войны, никогда не считались пригодными, даже после отмены сухого закона, из-за ужасного, безобразного качества продаваемого там спиртного. Во многих заведениях низшего класса первое время напитки стоили по 3 цента, при этом не было ни стаканов, ни кружек. Бочонки с обжигающим спиртным стояли на полках позади бара, и их содержимое подавалось через трубку или тонкий резиновый шланг. Клиент, положив деньги на барную стойку, брал конец шланга в рот и имел право выпить столько, на сколько хватало одного вдоха. Как только он прерывался, чтобы перевести дыхание, внимательный бармен выключал подачу, и ничто ее не восстанавливало, кроме повторной

оплаты.

Некоторые бездельники из Бауэри так наловчились глотать и задерживать дыхание, что на 3 цента напивались допьяна. В одном известном салуне на Бакстер-стрит, около Бауэри, была устроена и широко рекламировалась задняя комната, получившая название «бархатная». Когда у хорошего клиента оставалось только 5 центов, ему давали огромную чашу со спиртным и с особой церемонией провожали в «бархатную комнату», где он имел право напиться до потери сознания и спать, пока не протрезвеет.

Самым известным из пивных залов Бауэри был «Атлантик-Гарденс», находившийся рядом с Театром Бауэри (теперь там кинотеатр). Наверху и внизу была тысяча сидячих мест, и две повозки с четверками лошадей работали по 10 часов в день, с трудом развозя посетителей, набравшихся пива. В этом и других заведениях играла музыка – фортепьяно, арфы, скрипки, барабаны, медные инструменты, а также имелись кости, домино, карты, иногда – винтовки, для стрельбы по мишеням. Все было бесплатно, кроме пива, которое стоило 5 центов за огромную кружку. Большинство пивных управлялось немцами, и первое время основными посетителями были мужчины и женщины этой национальности, которые приводили всю семью и спокойно проводили здесь целый день. Пиво разносили девочки в возрасте от 12 до 16 лет, в коротких платьях и красных ботинках, доходивших им почти до колен, с кисточками, на которых звенели колокольчи-

ки. Продажа напитков была столь прибыльной, что управляющие жестоко сражались за право угощать большие национальные и политические организации, часто выделяя до 500 долларов любому обществу, которое соглашалось провести в их заведении пикник на целый день. Много лет эти пивные были довольно приличными, но вскоре туда нахлынули хулиганы и головорезы из бедных классов, чтобы пить не пиво, а крепкие спиртные напитки. Тогда пивные стали излюбленным местом гангстеров и других преступников, и Бауэри приобрел те характеристики, которые сделали его известнейшим районом во всем мире.

3

Самыми первыми известными бандами в Бауэри были «парни Бауэри», «настоящие американцы», «американская гвардия», «гвардия О'Коннела» и «атлантическая гвардия». Банды состояли в основном из ирландцев, но они не стали такими жестокими, как их собратья в Пяти Точках, хотя и среди них было много талантливых хулиганов. «Настоящие американцы» были занятыми, но безвредными. Они носили цилиндры и длинные сюртуки, которые, развеваясь, доходили им до лодыжек, а застегивались под подбородком. Их главным занятием в жизни было стоять на углу улицы и поносить англичан, а также мрачно предсказывать гибель Британской империи от огня или меча. Как большинство сыновей Ирландии, которые прибыли в эту страну, они так и не американизировались настолько, чтобы родина перестала представлять собой их главный интерес. Остальные банды, скорее всего, откололись в то или иное время от «парней Бауэри» и, как правило, присоединялись к ним в драках с буйными жителями Парадиз-сквер. Их подвиги не завоевали им места в истории банд.

Много лет «парни Бауэри» и «мертвые кролики» вели жестокую вражду, и редко случалась неделя, чтобы у них не происходила схватка или в Бауэри, или в районе Пяти Точек, или на старом месте боев на холме Банкера, на севере

от Гранд-стрит. Крупнейший гангстерский конфликт начала XIX века разгорелся именно между этими двумя группировками, и их вражда продолжалась вплоть до 1863 года, когда они объединились с другими бандами и группировками для того, чтобы разграбить и сжечь город. В этих первых схватках «парней Бауэри» поддерживали другие банды этого района, в то время как «уродские цилиндры», «рубашки навывпуск» и «чичестеры» объединились под знаменем «мертвых кроликов».

Иногда бои бушевали по два-три дня без перерыва, улицы в тех районах, где находились банды, были забаррикадированы телегами и булыжниками из мостовой, а гангстеры то перестреливались из мушкетов и пистолетов, то вступали в рукопашный бой, орудуя ножами, кирпичами, дубинами, зубами и кулаками. В отдалении от дерущейся толпы головорезов стояли сочувствующие женщины с «боеприпасами» в руках, они внимательно высматривали слабые места в защите врага и всегда были готовы оказать любую помощь в драке.

Часто эти «амазонки» дрались в общих рядах, а многие приобрели большую известность в жестоких битвах. Они отличались особенной изощренностью в нанесении увечий и во время бунтов 1863 года причиняли самые жестокие страдания неграм, солдатам и полицейским, захваченным толпой, разрезая их тела ножами, выдирая языки и глаза, прикладывая факелы после того, как жертвы были обрызганы

маслом и повешены на дерево. «Мертвые кролики» в начале 1840-х пользовались преданностью наиболее знаменитой среди воинов-женщин мегеры, известной под именем Чертова Кошка Мэгги, которая дралась бок о бок с главарем банды во время многих битв с бандами Бауэри. Про нее говорили, что она затачивала свои передние зубы напильником, а на пальцах носила накладные ногти, сделанные из меди. Когда Мэгги издавала свой боевой клич и бросалась кусаться и царапаться в самую середину вражеских сил, даже самые сильные духом отступали и спасались бегством. Первые гангстеры не просили и не давали пощады; когда раненый человек падал, его враг радостно прыгал на него и пинал или забивал его до смерти. Редко полиции удавалось разогнать толпу, чаще приходилось звать на помощь национальную гвардию и регулярную армию. Вскоре город привык к солдатам, марширующим в боевом порядке вдоль улиц на усмирение гангстерских потасовок. Время от времени приходилось вызывать и артиллерию, но в основном гангстеры разбегались перед мушкетами пехотинцев. Чаще всего этим занимался 27-й, позже 7-й полк.

О деятельности самых первых банд Бауэри осталось мало сведений, но история улиц полна сказками о «парнях Бауэри», об удали их могучих лидеров. Эта банда, наверное, была самой известной в истории Соединенных Штатов, но до тех пор, пока в конце 1880-х не появился знаменитый Чак Коннерс и не сделал из этих ребят бродяг и хулиганов из бара.

«Парень Бауэри» не бездельничал никогда, кроме воскресенья и праздников. До Гражданской войны они не совершали преступлений, только если случайно. Член этой группировки мог зарабатывать на жизнь профессией мясника, или подмастерья механика, или вышибалы в пивной Бауэри либо танцевальном подвале. Но практически все они были добровольцами-пожарными, и это приносило большую пользу банде, так как до войны пожарный, большинство которых были яркими сторонниками «Таммани-Холл»⁵, мог много рассказать о поведении отцов города. Многие из наиболее выдающихся политиков принадлежали к пожарным бригадам. Между компаниями шло соперничество, и они давали своим машинам выразительные имена – «Белый дух», «Черная шутка», «Желудок селедки», «Сухие кости», «Красный пират», «Сенный вагон», «Большая шестерка», «Яльская девка», «Бобовый суп», «Старый хлам» и «Старая дева». Такие известные политические лидеры Нью-Йорка, как Корнелиус В. Лоренс, Зофар Миллс, Сэмюэль Виллетс, Уильям М. Вуд, Джон Дж. Горман и Уильям М. Твид, были добровольными пожарными. Еще раньше даже Джордж Вашингтон рвался к пожарным машинам и в свое недолгое пребывание в столице был главой Нью-Йоркского департамента. До создания платной пожарной службы одним из главных событий года был парад пожарных, и огромные толпы собирались вокруг и приветствовали одетых в красные рубашки и

---

⁵ Штаб демократической партии в Нью-Йорке. (Примеч. пер.)

касторовые шляпы крикунов, пока те тащили свои машины по камням булыжника, а мимо них шагал духовой оркестр, ревущий «Мужчины, вперед!» – бодрую мелодию, которая была популярна еще много лет.

Соперничество между пожарными командами, члены которых являлись весьма состоятельными людьми, было сильным, но дружелюбным, а вот «парни Бауэри» любили свои машины почти так же, как девушек, и считали позором и для себя и для команды, если машина терпела поражение на пожаре. А пиком унижения было прикатить на пожар и обнаружить, что все пожарные клапаны уже захвачены другими командами. Чтобы избежать этого, «парни Бауэри» прибегали к довольно простому методу. Когда звучал сигнал пожарной тревоги, они просто хватали пустую бочку в бакалейном магазине и спешили с ней к ближайшему от горящего здания пожарному клапану. Там «парень» переворачивал бочку, садился на нее и доблестно защищал клапан от нападения конкурирующих команд, пока не приезжала его машина. Если ему это удавалось, он становился героем, и его команда праздновала славную победу. Нередко борьба за пожарный клапан становилась такой яростной, что у «парней Бауэри» не хватало времени на тушение пожара.

Настоящий «парень Бауэри», который прошел вместе со своим главарем много боев с ненавистными «мертвыми кроликами» и другими бандами Пяти Точек, был рослым головорезом, его щеки украшали бакенбарды дяди Сэма –

тип американца, который все еще изображают в английских юмористических еженедельниках. На его голове был цилиндр, обычно помятый, а брюки, как правило, заправлялись в ботинки. Челюсти его постоянно двигались, пережевывая табак, он стругал щепки огромным ножом, без которого никогда не ходил. В более поздние годы, незадолго до появления Чака Коннерса, этот типаж изменился, как изменилась и мода в одежде, и «парень Бауэри» стал прогуливаться по своей любимой улице в высокой касторовой шляпе, ворс которой был расчесан в разные стороны. Его рослую фигуру облегал элегантный сюртук, а вокруг шеи был обмотан цветистый платок. Брюки, почти такие же широкие, как современные оксфордские штаны, были закатаны над тяжелыми ботинками. Волосы на затылке были коротко пострижены, подбородок и щеки выбриты, а на висках оставались изящно завитые пряди волос, обильно смазанные медвежьим жиром или другим сильным средством, нестерпимо воняющим. В те дни члены банды уже начали деградировать, но все еще оставались непослушными, воинственными гражданами, и было неблагоприятно давать им повод для обиды.

Пожалуй, в рядах этой банды сражались наиболее жестокие участники побоищ, которым ничего не стоило проломить череп или выбить глаз, и из этой суровой школы вышло много известных скандалистов и политических лидеров. Мясник Билл Пул, известный гангстер и политик районного масштаба, хранил верность «парням Бауэри», так же

как и его убийца, Лью Бейкер, застреливший его в «Станвикс-Холл» в 1855 году.

Но самой крупной личностью среди «парней Бауэри» и, пожалуй, наиболее выдающейся фигурой за всю историю банд Нью-Йорка был человек, который в 1840-х годах возглавлял гангстеров в наиболее важных карательных и грабительских набегах на Пять Точек. Его личность остается неизвестной, и есть веская причина считать, что это всего лишь миф. Но многочисленные рассказы о его силе и доблести в сражениях с «мертвыми кроликами» и «уродскими цилиндрами» прошли через годы, приобретая со временем все больший размах и значительность. Под простым прозвищем Моус он стал легендарной личностью поистине героических масштабов, одновременно Самсоном, Ахиллом и Полом Буньяном района Бауэри. А за ним следует маленькая фигурка его преданного друга и советчика, которого звали Сиксей и про которого говорят, что это он придумал «hold de butt», выразительное название остатка погасшей сигареты.

Нынешнее поколение отбросов общества Бауэри не знает ничего (или почти ничего) о могучем Моусе, и только старики, блуждающие по унылым остаткам знаменитой улицы, слышали это имя. Но до Гражданской войны, во время, на которое приходился расцвет Бауэри, когда местные парни кичились своей принадлежностью к знаменитой банде, а в честь их славных деяний распевались песни, гангстеры бросались в сражение, выкрикивая его имя и призывая его дух

присоединиться к ним, придать силы их рукам. Не успело еще тело этого человека остыть в могиле, как Чанфроу уже обессмертил его, написав пьесу «Моус, парень из Бауэри», которая была представлена шумной публике в старом театре «Олимпик» в 1849 году, в год восстания в Астор-Плейс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.